

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Р Русская Литература

№ 4

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1961

Год издания четвертый

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Д. ЛИХАЧЕВ

ЗАДАЧИ ТЕКСТОЛОГИИ

Первоначально задачи текстологии ограничивались чисто практическими: это была подсобная дисциплина, необходимая для издания документов и литературных памятников. Таково было начало многих наук: геометрии, которая нужна была первоначально как землемерие, астрономии, почвоведения и т. д.

Долгое время в русской науке результаты текстологической работы над рукописями ограничивались «добыванием» наиболее близкого авторскому оригиналу (или «архетипу») текста памятника, который должен быть положен в основу издания.¹

Текстология определялась как «система филологических приемов» издания памятников и как «прикладная филология».² Естественно, возникло убеждение, что конкретные задачи текстологии можно ограничить выработкой различного рода «инструкций» и «правил издания». В тех случаях, когда материал для текстологической работы несложен (как например, различные виды грамот), это убеждение отчасти оправдано, но там, где текст имеет сложную историю, правила и инструкции сами по себе недостаточны.

Сперва издать — потом исследовать: таков в основном был принцип старого русского литературоведения XIX века.

Внимательно изучая общие тенденции, которые намечаются в текстологии за последнее десятилетие, мы приходим к выводу, что текстология все более и более начинает рассматриваться как дисциплина, имеющая самостоятельные и очень крупные задачи. Эти задачи могут быть сформулированы следующим образом: текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования — в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, издателей, т. е. на всем протяжении изменения текста памятника.

Для советских литературоведов-текстологов и историков-археографов представляется несомненным, что нельзя изучать изменения текста памятника в отрыве от его содержания, понимаемого в самом широком смысле (в частности, в отрыве от политических тенденций, художественного мастерства и т. д.), а содержание — вне исторической обстановки в целом. В результате границы текстологического изучения памятников чрезвычайно расширяются и требования к текстологии возрастают в той же мере.

Текстология в современном ее понимании стала основой для изучения литературной истории отдельного памятника. Она стала важнейшей частью истории литературы в целом. Если история литературы занимается изучением процесса развития всей литературы, то текстология должна заниматься изучением процесса

¹ См.: Сергей Бугославский. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913, стр. 1. Многие западные филологи также считают, что целью изучения текста является его издание. Так, крупнейший знаток греческих рукописей А. Дэн пишет: «Непосредственная цель изучения рукописей — издание их текстов. Редки ученые, — я все же знал таких, — которые читают рукописи только ради удовольствия чтения. Еще более редки, по-видимому, — но есть и такие, — которые ходят в библиотеки для удовольствия рассматривать миниатюры лицевых рукописей. Настоящий ценитель сокровищ наших библиотек — филолог — издатель текстов». Больше того, А. Дэн утверждает: «... весь прогресс филологической науки связан с проблемой издания текстов» (A. Dain. Les manuscrits, Paris, 1949, p. 145).

² Б. Томашевский. Писатель и книга. Изд. «Прибой», 1928, стр. 10, 11.

развития отдельных памятников. История текста дает те «составные элементы движения», из которых слагается история литературы.³

Издание памятников — это только одно из практических применений текстологии.

Сперва полностью изучить литературную историю памятника, а потом его критически издать (что не исключает отдельные предварительные публикации списков) — таков принцип, к которому постепенно приходят современные советские текстологи-медиевисты.

Новое понимание задач текстологии намечалось уже давно. Однако только в последние десятилетия такое отношение к текстологии получило прочную базу в последовательном применении принципа историзма, в стремлении текстологов рассматривать историю текста, не отрывая ее от исторической действительности, от общественно-политической эпохи, от его авторов, редакторов, переписчиков.

Текстология становится наукой, преодолевая элементы формалистического отношения к текстологическим вопросам. Она становится наукой потому, что вместо одной только публикации текстов на основе механической классификации списков начинает заниматься изучением истории текстов. Это изучение сделало большие успехи, так как углубилось само понимание того, что следует подразумевать под историей текста. Под историей текста стала разумеаться отнюдь не одна только генеалогия списков, лишенная подчас исторических объяснений, основанная на классификации списков только по их внешним признакам. История текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей и отчасти, как это мы увидим в дальнейшем, их читателей. На первое место в текстологии выступили человек и общество в том их новом понимании, которое дает исторический материализм.

Только такое отношение к тексту позволило преодолеть элементы формализма в этой дисциплине, превратить ее в самостоятельную историческую науку.

Процесс превращения текстологии из суммы филологических приемов для издания памятников в самостоятельную науку далеко не закончен, поэтому в дальнейшем нам придется остановиться по преимуществу на отдельных сторонах этого процесса — процесса своеобразной «кристаллизации» текстологической науки.

Ускорить становление текстологии как самостоятельной науки, учитывая все достижения в этой области старой русской филологии и филологии других стран, — одна из задач советской текстологии, в частности и той ее отрасли, которая занимается древнерусскими литературными памятниками.

В какой-то мере текстология уже сейчас может считаться совершеннолетней наукой, а не вспомогательной дисциплиной. Это можно заметить (а заметить совершеннолетие обычно нелегко вследствие некоторой инерции наших представлений) хотя бы по косвенным признакам. К числу таких признаков относится, например, то обстоятельство, что текстология в настоящее время сама требует опоры в других вспомогательных дисциплинах. В первую очередь она требует хорошей постановки архивоведения, четкой организации научного описания рукописей в основных рукописных хранилищах и всемерной координации усилий ученых всех стран. В частности, изучение истории текста того или иного древнерусского памятника требует привлечения исчерпывающего числа списков и самого изучаемого памятника, и тех памятников, которые вступали с ним в литературное общение.

Если же научные описания рукописей отсутствуют, то это значит, что их разыскание отдано на волю случая; это значит, что исследователи вынуждены параллельно и притом кустарно вести одну и ту же работу, которая могла бы быть сделана раз и навсегда для всех сразу. Ученые, работающие без полного аппарата научных описаний с чрезвычайными затратами времени и труда, часто вознаграждают себя тем, что торопятся заняться случайно найденными материалами, даже если они не относятся к области их специальных интересов, и публикуют документы, воздерживаясь предупредить читателей, что не собрали всех списков издаваемого памятника.

Составление полных, детальных, развернутых научных описаний еще не описанных фондов, интенсификация работ в этой области — самая неотложная задача всех наших рукописных хранилищ. Без этого текстология не сможет развиваться даже при наличии самых прогрессивных методических приемов.

³ Б. В. Томашевский пишет: «...история текста (в широком смысле этого слова) дает историку литературы материал движения, который не лежит на поверхности литературы, а скрыт в лаборатории автора» (Б. Томашевский. Писатель и книга, стр. 134). В древней русской литературе этот «материал движения» отнюдь не ограничивается «лабораторией автора» (она к тому же может быть обнаружена там в исключительно редких случаях), а охватывает изменения текста на протяжении нескольких веков.

Одна общая тенденция может быть отмечена и у литературоведов, и у историков, занимающихся древней Русью: все более и более стираются различия и перегородки между учеными, добывающими материал, и учеными, этот материал изучающими. Подобно тому, как археолог обязан в настоящее время быть историком, а историк досконально владеть археологическим материалом; подобно тому также, как источниковед становится все более и более историком, допускающим в своих работах широкие обобщения, — и в литературоведении созрела необходимость каждому текстологу быть одновременно широким историком литературы, а историку литературы непременно изучать рукописи. Текстологическое исследование — это фундамент, на котором строится вся последующая литературоведческая работа. Выводы, добытые текстологическими изысканиями, очень часто опровергают самые широкие умозаключения литературоведов, сделанные без изучения рукописного материала, и, в свою очередь, приводят к новым интересным и досконально обоснованным историко-литературным обобщениям.

Представления о том, что в результате текстологической работы можно прийти только к весьма узким выводам, следует признать абсолютно устаревшими. Напротив, непосредственно изучение рукописей, истории текста приводит сплошь да рядом к весьма важным выводам, зачастую меняющим наши представления по самым общим вопросам. К таким широким общеисторическим выводам, например, в истории древнерусской литературы приводит изучение истории текста «Просветителя» (оно меняет наши представления о сущности обвинений против «жидовствующих»), «Сказания о князьях владимирских» (оно исправляет и уточняет наши представления об официальной политической теории русского централизованного государства XVI века) и т. д. Вместе с тем текстология позволяет ученому добывать выводы своим личным трудом, избавляет его от необходимости довольствоваться приблизительным, дает ясные представления о памятнике, об его истории, о том, как он воспринимался в свое время (проблема читательского восприятия памятника особенно важна и интересна для литературоведа-медиевиста).

Текстология открывает широчайшие возможности в изучении литературных школ, направлений, идейных движений, изменений в стиле и оказывается арбитром в решении очень многих споров, которые без изучения конкретной истории текстов могли бы тянуться бесконечно, без каких-либо определенных перспектив их разрешения.

Рост текстологической науки не сократил количество стоящих перед ней вопросов, а увеличил и усложнил. При этом, становясь самостоятельной научной дисциплиной, текстология не только не оборвала своих связей с другими дисциплинами, но еще более их расширила. Чем яснее становилось, что текстология не «сумма приемов», а самостоятельная наука, с самостоятельным полем исследования и своими специфическими вопросами, тем сильнее укреплялась связь ее с многими другими филологическими, историческими, литературоведческими дисциплинами. Теперь уже никто не назовет текстолога «узким ученым», а текстологию — «узкой дисциплиной». Напротив, хороший текстолог обязан широко «охватывать» предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., тем убедительнее и неопровержимее выводы. История текста не изолирована от общих проблем культуры и «человековедения» в целом. Умение сопоставлять, объединять факты, объяснять один ряд явлений другими, находящимися в различных областях изучения человека и человеческого общества, становится все более и более необходимым.

Среди текстологов существует издавний спор — текстология (или, как ее долго называли, критика текста) принадлежит науке или это искусство? Одно время с распространением механических приемов решения сложнейших текстологических вопросов (школа К. Лахманна и ее видоизменения) казалось, что ответ найден в другой области: текстология это ремесло — настолько упрощенными были все текстологические приемы.⁴ Сейчас мы можем сказать так: текстология это наука, но методика работы текстолога настолько усложнилась, что она стала для текстолога в известной мере и искусством. Однако текстология ни в коем случае не ремесло, которое позволило бы текстологу замкнуться в решении своих собственных задач. Текстологу приходится быть в курсе всех исторических наук, относящихся к изучаемой эпохе. Вот почему подлинный текстолог — он и литературовед, и историк, и историк общественной мысли. От широты и разносторонности его знаний, от его умения охватывать факты, и от искусства, с которым он применяет методические приемы изучения текста, зависит успех его исследований.

⁴ Об этом см. подробнее: Д. Лихачев. Кризис современной зарубежной механистической текстологии. «Известия АН СССР, Отделение языка и литературы», 1961, № 5.

Творчество — процесс; восприятие творения — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Создавая свое произведение, автор как бы стремится внушить читателю представление, что он вместе с автором проходит весь путь его создания. Автор создает у читателя как бы иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы присутствует при его написании, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстает перед читателем, ибо черновики, наброски, различные редакции — все это остается за бортом произведения и не воспринимается читателем. Творчество многочисленных средневековых «соавторов» — переписчиков, переделывателей, составителей сводов, компиляторов, редакторов текста — также скрыто от читателей, воспринимавших каждое произведение как создание цельное и законченное.

Читательское восприятие произведения отличается от научного тем, что в читательском восприятии автору оказывается полное доверие, автор ведет за собой читателя по своей «последней авторской воле»; в научном же восприятии восстанавливается реальный творческий процесс; текстолог пытается освободиться из-под гипноза «авторской воли» и реконструировать историю текста, абстрагируясь от навязываемого ему автором последнего результата. Исследователь стремится установить все этапы истории текста — и не только установить, но и объяснить их появление.⁵

До той поры, пока мы знаем памятник только в его окончательном виде и лишены возможности проследить движение текста, соотнести текст с личным развитием автора и историческими фактами в целом, наша интерпретация памятника всегда останется субъективной. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора и с движением истории), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д.

Повторяем: текстология — основа истории литературы. История текста отдельного памятника дает огромный первичный материал для истории литературы в целом.

С. М. Бонди подчеркивает значение изучения истории текста произведения в текстологии. В статье «О чтении рукописей Пушкина» он пишет: «Прежде всего может быть поставлен вопрос — для чего производится чтение рукописи, что хочет получить текстолог в результате этого чтения: окончательный ли текст документа для публикации, или же варианты текста, т. е. зачеркнутые или вообще отмененные в процессе работы куски текста, или, наконец, его интересует самый процесс работы, последовательность, история создания данной рукописи? Первые два случая, в сущности, однородны: в обоих мы ищем только текста, связанных фраз или изолированных отрывков, отдельных слов; нас интересуют самые слова, их содержание (или форма), независимо от истории их появления и уничтожения, между тем как в последнем случае именно этот вопрос является основным. Итак, мы можем, в сущности, различать всего два случая: поиски текста (окончательного или вариантов) и исследование процесса работы автора над текстом».⁶

Несколько далее С. М. Бонди заявляет: «Можно было бы сказать, что изучение процесса создания рукописи, т. е. история создания произведения как специфическая задача, в сущности выходит за пределы задач текстолога как такового; это совершенно особая, отдельная проблема, относящаяся к психологии творчества или т. п.; речь в текстологии должна идти о другом: о том, чтобы правильно и полно прочесть текст рукописи, и при этом понять его, чтобы этим пониманием гарантировать себя от возможных ошибок чтения. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, даже ставя себе задачу лишь прочесть текст рукописи, все-таки совершенно невозможно отойти от проблемы истории создания рукописи. Наоборот, ... обращение к этому вопросу в большинстве случаев совершенно обязательно».⁷

Положение С. М. Бонди может быть подкреплено многочисленными соображениями на материале древнерусской литературы. Правильность его здесь особенно бесспорна.

Обстоятельное рассмотрение проблемы восстановления движения текста произведения сделано Б. В. Томашевским в работе «Писатель и книга» в главе «Исто-

⁵ Б. В. Томашевский писал: «Каждая стадия поэтического творчества есть сама по себе поэтический факт. Каждая редакция стихотворения отражает творческий замысел поэта. Наличие различных, одновременных „исправлений“ (вернее — «изменений») свидетельствует об художественной изменчивости поэта... Для науки нужны все редакции и все стадии творчества» (Б. В. Томашевский. Новое о Пушкине. «Литературная мысль», I, Пгр., 1922, стр. 172).

⁶ С. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1937, № 2—3, стр. 571.

⁷ Там же, стр. 572—573.

рия текста и история литературы».⁸ Отмечая, что история текста восстанавливает творческий процесс, вскрывает элементы движения в тексте, изучает произведение как становящееся, Б. В. Томашевский пишет: «... историк литературы должен видеть в отдельном произведении не только его статическую форму (понимая это слово в широком значении), не только замкнутую в себе законченную систему — он должен примышлять и угадывать в произведении следы движения».⁹ Говоря о различии наблюдений механика над совершающимся в настоящем времени движением и наблюдениями историка литературы над уже совершившимся в прошлом движением, Б. В. Томашевский отмечает: «Но ведь механик имеет возможность созерцать движение. Не довольствуясь двумя крайними положениями тела, он может наблюдать сколько угодно средних положений, т. е. он может „интерполировать“ путем непосредственного наблюдения. Предметы изучения историка литературы являются оторванными друг от друга следами движения, отдельными „точками“, между которыми трудно „интерполировать“, трудно найти связывающие звенья и поэтому трудно расположить линии эволюции, проходящие через эти точки. Вот эта чрезвычайная статичность литературных произведений как предметов наблюдения заставляла историков литературы постоянно искать методов, позволявших или умножить число предметов наблюдения („интерполировать“) путем, например, изучения массовой литературы, „младшей“, дающей гораздо более широкий материал для сближения или сопоставлений, или в самих произведениях искать следы движения, в самих статических объектах вскрывать элементы динамики и кинематики. История создания и работы над произведением именно и дает этот материал. При изучении истории текста вскрывается уже не статическое явление, а литературный процесс его выработки и становления. Изучая замыслы поэта, мы часто вскрываем связи, на первый взгляд неясные, между различными произведениями одного автора. Изучая его незавершенные планы и черновики, мы часто находим те недостающие звенья эволюционной цепи, которые позволяют нам „интерполировать“, заполнить промежутки между отдельными объектами наблюдения».¹⁰

Все, что здесь сказано Б. В. Томашевским об истории текста произведений новой литературы, в еще большей мере касается произведений литературы древней, где история текста произведения занимает иногда несколько столетий, не кончаясь в пределах творчества одного автора, а захватывая творчество многих авторов, многих поколений редакторов и переписчиков текста.

Н. К. Пиксанов первый предложил изучать творческую историю произведения. Он совершенно правильно указал в свое время, что творческая история памятника дает основной материал для его понимания.¹¹ Но Н. К. Пиксанов объявил творческую историю телеологической, направляемой единой волей автора. Он писал:

«Признается, что художественные средства подчиняются поэтом художественному заданию, которое осуществляется художественным приемом или стилем. Понятие приема признается понятием телеологическим. Таким образом, для поэтики, кроме дескрипции и классификации, выдвигается третья задача: выявлять внутреннюю телеологию или мотивацию поэтических средств и их конечного результата, поэтического произведения...»

Для теоретиков поэзии привычно применить и здесь тот же прием, что и в описании и классификации, т. е. старинное изучение печатного, дефинитивного поэтического текста. Несомненно, что пристальное изучение такого текста, соотношение его с другими произведениями того же автора, перекличка одинаковых примет и приемов на всем протяжении творчества поэта, — все это может дать основания для угадывания художественной телеологии, для ее реконструкции исследователем. Но этот прием недостаточен, гадателен и сильно окрашен субъективностью.

Случается, что поэт сам раскрыл свой замысел: в воспоминаниях, дневниках или признаниях современникам. Но это бывает редко, эпизодично, в большинстве случаев таких показаний нет, или они сами нуждаются в комментариях, как заявления Гоголя о „Ревизоре“; иногда же художник ревниво скрывает доказательства своих творческих процессов.

У нас есть иной, надежный способ обнажения художественной телеологии: изучение текстуальной и творческой истории произведения — по рукописным и печатным текстам.¹²

⁸ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е, изд. «Искусство», М., 1959, стр. 144—153.

⁹ Там же, стр. 147.

¹⁰ Там же, стр. 147—148.

¹¹ Н. Пиксанов. Новый путь литературной науки. Изучение творческой истории шедевра (принципы и методы). «Искусство», 1923, № 1, стр. 94—143.

¹² Там же, стр. 103—104.

Возражая Н. К. Пиксанову, Б. В. Томашевский правильно писал: «В первую очередь такая постановка вопроса предполагает как основную предпосылку неизменность авторского намерения на всем протяжении создания произведения. Между тем этого как раз и нет. Самый материал творчества иной раз подсказывает новые художественные эффекты и заставляет автора изменить свое задание».¹³ Далее Б. В. Томашевский приводит известный пример изменения замысла произведения в процессе его создания — из творческой истории «Евгения Онегина».

Вместе с тем Б. В. Томашевский делает тонкое наблюдение, что «внутренняя целеустремленность (телеология) художественного приема далеко не то, что личное намерение автора».¹⁴ Б. В. Томашевский пишет: «Целесообразность написанного не укладывается в рамки индивидуально-психологического анализа намерений писателей. Все писатели хорошо знают, что не всегда выходит то, что задумано. Писателя от неписателя отличает вовсе не способность „задаться“, а способность воплотить задание, его выразить». Но то, что пишет Б. В. Томашевский далее, правильно только отчасти. «...Вовсе не намерение автора, — читаем мы, — и вовсе не тот путь, которым автор дошел до создания произведения, дают ему смысл. Здесь так же не важна индивидуальная психология автора, как и индивидуальная психология случайного читателя. Важно произведение как оно вышло, и его внутренняя целеустремленность познается в анализе того, что внушает это произведение идеальному читателю, т. е. обладающему всем, что необходимо для полного его понимания. Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты. Автор во многих отношениях является только орудием. В своем произведении он часто берет уже готовый материал, данный ему литературной традицией, и неизменно вдвигает его в свое произведение и лишь вокруг него творит свое, индивидуальное, т. е. характерное для него как для некоторой художественной личности. Внутренняя телеология такого перенесенного приема иной раз определяется совершенно помимо намерения автора».¹⁵

Обобщая все сказанное, Б. В. Томашевский замечает: «Важно не то, куда целит автор, а куда он попадает».¹⁶

В противоположность Б. В. Томашевскому я считаю, что важно и то и другое: без первого, т. е. без изучения намерений автора (пусть меняющихся), нельзя понять второе, т. е. творческий результат. Конечно, изучение одних намерений не может дать полного объяснения творческого результата, надо изучать еще и «эпоху», но нельзя согласиться с утверждением Б. В. Томашевского, что «произведение создает не один человек, а эпоха».¹⁷ Эпоха помимо человека ничего создать не может, эпоха действует через человека и его намерения, при этом на одних она влияет по-одному, а на других по-другому, ибо само положение человека в эпохе различно. Не будем вдаваться в изложение общеизвестных истин. Скажем только, что отрицать целесообразность изучения творческой истории только на том основании, что намерение творца меняется в процессе этой творческой истории или что помимо намерений творца имеет значение и эпоха, — нет никаких оснований.

Разумеется, творческая история должна включать в себя изучение истории целей автора и их изменений, а история целей автора должна строиться с учетом влияния его классовой идеологии. И тем не менее понятие творческой истории, как мне кажется, не должно заменять понятие истории текста. Дело в том, что история создания того или иного произведения включает в себя почти во всех случаях такие, совсем не творческие моменты, как давление цензуры, давление издателя, гонимые соображения и различного рода случайности: пропажу рукописи, ошибки памяти, описки, механические пропуски и пр. Ни один автор не избавлен от вторжения в его творческий процесс отнюдь не творческих моментов, и исследователь обязан изучать как творческие, так и нетворческие моменты истории текста произведения. Для того чтобы понять, «куда попал автор», надо изучать и то, как он целился, и то, каким было его «ружье», и всю сумму обстоятельств, оказавших воздействие на «полет пули».

К древней русской литературе понятие творческой истории применимо еще меньше, и не только потому, что доля различного рода случайностей здесь возрастает бесконечно, но и потому, что у одного и того же произведения зачастую оказывается несколько авторов, а соавторами — почти все переписчики. Но тем значительнее, тем важнее для изучения становится *история текста*, ибо для правильного понимания идейного и художественного содержания произведения изучение случайных моментов иногда не менее важно, чем изучение творческих намерений.

¹³ Б. В. Томашевский. Писатель и книга, стр. 150.

¹⁴ Там же, стр. 151.

¹⁵ Там же, стр. 151—152.

¹⁶ Там же, стр. 152.

¹⁷ Там же.

Итак, для древней русской литературы изучение истории текста произведения еще важнее, чем для литературы новой. Вот почему нельзя признать правильным, особенно для древней русской литературы, отрицание права истории текста считаться особой научной дисциплиной, выведенное Б. В. Томашевским из его положения: «Важно не то, куда целит автор, а куда он попадает».

История текста произведения охватывает все вопросы изучения данного произведения. Только полное (или по возможности полное) изучение всех вопросов, связанных с произведением, может по-настоящему раскрыть историю текста произведения. С другой стороны, только история текста раскрывает нам произведение во всей его полноте. История текста произведения — есть изучение произведения в аспекте его истории. Этот исторический взгляд на произведение позволяет изучать его в динамике, а не в статике. Произведение немислимо вне его текста, а текст произведения не может быть изучен вне его истории. На основе истории текстов произведений строится история творчества данного писателя (устанавливается историческая связь между историями текстов отдельных произведений), а на основе истории текстов и истории творчества писателей строится история литературы.

Эта историческая точка зрения прямо противоположна формалистической — статичной, игнорирующей историю и предполагающей изучение произведения в его данности. Но надо иметь в виду, что сам по себе исторический подход может допускать различное истолкование текста, творчества, истории литературы.

Литературоведение, пытающееся строить историю литературы на основании изучения истории текста произведений, идущее от частного к общему (индуктивным методом), опирающееся на сознание изменчивости текста, но объясняющее все исходя из особенностей биографии писателя или из особенностей его психологии (например, на основе психоанализа), крайне сужает и упрощает задачу изучения. В какой-то мере история текста произведений может служить для такого литературоведения основой, но это литературоведение будет бессильно построить историю литературы. Исторический подход неизбежно изменит такому литературоведению. По-настоящему же проникнуто историзмом только марксистское литературоведение.

Марксистское литературоведение, опирающееся на понимание творчества писателя как классово обусловленного (в его сознательной части, ибо в бессознательной части элемент случайности может существовать), даст правильное объяснение истории текста. Изучение же истории текста вне его объяснения невозможно, ибо нельзя изучать историю текста «летописно», регистрируя лишь изменения. Этот подход к тексту будет так же метафизичен, как и статический. История не есть сумма фактов, а история текста не есть сумма вариантов текста.

Итак, история текста произведения не может сводиться к простой регистрации изменений. Изменения текста должны быть объяснены. При этом регистрация изменений текста и их объяснение — не два различных этапа исследования, а один взаимосвязанный ряд. Факты без их объяснения — не факты. Теоретически регистрация фактов должна, казалось бы, предшествовать их объяснению, но в практической работе текстолога регистрация и объяснение идут параллельно, так как увидеть факт часто бывает возможно только под определенным углом зрения, в свете его объяснения. Всякий взгляд, открывающий факт, устанавливает его с определенной точки зрения. Рассеянной точки зрения не существует. Факт преломления в тексте той или иной идеологии может быть вскрыт только тогда, когда мы уже в известных пределах (пусть очень ограниченных) знакомы с этой идеологией. Факт отражения в памятнике классовой борьбы может быть вскрыт только тогда, когда исследователь знаком с тем, что представляет собой классовая борьба на данном этапе исторического развития.

Изучая внешнюю сторону факта во всех ее деталях, мы подготавливаем конкретное его объяснение, и оно будет тем конкретнее, чем детальнее зафиксирован факт, но, с другой стороны, само объяснение факта позволяет глубже заглянуть во все детали. Текстолог — следопыт. Он должен принимать во внимание каждую мелочь в свете возможного ее объяснения. В текстологии вполне применимо правило всякой расследовательской деятельности: «Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем старательнее надо его исследовать. И то обстоятельство, которое кажется осложняющим дело, — иногда бросает на все яркое освещение, если его разобрать и обработать».¹⁸

Когда мы говорим об объяснении фактов изменения текста произведения, мы не должны предполагать, что существует узкотекстологическое их объяснение и что речь идет именно об этом узкотекстологическом объяснении.

Объяснения берутся из всех областей науки, изучающей деятельность человека. Эти объяснения могут быть историческими, литературоведческими, психоло-

¹⁸ А. Конан-Дойль. Баскервильская собака. Пгр., 1916, стр. 162.

гическими, могут быть связанными с историей общественных идей и историей техники (техники письма, переплета, книгопечатания, распространения книг и пр. и пр.), с историей общественных формаций и историей искусств и т. д.

Исследование текстов памятников древнерусской литературы ясно показывает, что нельзя вести текстологическое изучение без отчетливого представления о литературной стороне памятника — о его жанре, стиле, идейной стороне; непосредственных целях, ради которых составлялся памятник или его редакции; художественном методе и пр. и пр.

История памятника, воспринимаемая в таком широком аспекте, выступает перед нами как история людей, его создававших, как отражение истории всего общества.

Чтобы восстанавливать историю текста памятника, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом. Текстология требует на современном этапе ее развития всесторонних знаний, и в этом ее исключительная трудность.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими схемами и подсчетами, поэтому, чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и внутриклассовой борьбы (последняя особенно важна в древнерусской литературе, поскольку литературные памятники древней Руси XI—XVI веков по большей части живут в среде одного только класса феодалов; только в XVII веке начинается массовый «выход» литературы за пределы класса феодалов).¹⁹ Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца, но в еще большей мере он должен интересоваться его идейным строем, а также идеологией «заказчика» переписываемого произведения и т. д.

На всем пути истории текста произведения стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор (если он есть, конечно; в древней литературе единого автора может и не быть), но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

Само собой разумеется, что полное восстановление истории текста памятника, распространенного в свое время во многих списках, по большей части невозможно, поскольку нельзя быть уверенным, что нам известны все его списки и точно восстановлены все не дошедшие до нас этапы его развития, но это не исключает необходимости в научном исследовании стремиться к восстановлению именно полной и конкретной истории памятника.

Хорошо сформулированы были задачи текстолога, работающего над рукописями автора нового времени, С. М. Бонди в его статье «О чтении рукописей Пушкина». Он пишет, что главная задача текстолога — «все понять в рукописи, осмыслить ее форму». Работая над рукописями, мы «повторяем вслед за автором весь ход его работы, воспроизводим в своем сознании все варианты, придуманные автором (и отброшенные им), и именно в той последовательности, в которой они придумывались и отбрасывались, для нас становится яснее смысл всех его поправок, мы начинаем как бы изнутри видеть весь текст, понимая его в его становлении, и потому это понимание легко подсказывает нам и расшифровку вовсе неразборчивого слова, и простое и естественное заполнение недописанного вторых автором».²⁰

Задача текстолога заключается в том, чтобы по возможности во всех деталях воспроизвести ход работы автора над произведением, восстановить в воображении весь творческий процесс. Эта сложная задача, выдвигаемая по отношению к текстологическим исследованиям произведений нового времени, становится еще более сложной по отношению к произведениям русского средневековья, где у произведения был не один автор, где «творческий процесс», вовлекший целый ряд редакторов, переписчиков, предполагающий соучастие читателей, дополнявших текст своими поправками, и осложненный случайными обстоятельствами (утратами и искажениями), длился иногда многие столетия. Текстолог, изучающий средневековые произведения, обязан с возможно большей конкретностью понять историю текста произведения, его редакции.

Текстолог древнерусских литературных произведений обязан пройти по следам всей истории текста, воспроизвести в своем воображении по возможности весь ход его переработок.

¹⁹ См. об этом: <В. П. Адрианова-Перетц>. У истоков русской сатиры. В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 137—187.

²⁰ С. Бонди. О чтении рукописей Пушкина, стр. 585.

Мы уже коснулись выше вопроса о различии между текстологией древнерусских литературных произведений и текстологией новых. Эти различия связаны с различием самого материала изучения.

История текста литературного произведения нового времени изучается главным образом на материале черновики. Черновики представляют нам текст в процессе его создания, они закрепляют отдельные точки движения текста. Черновик — это рукопись, создаваемая в процессе работы²¹ и отражающая иногда несколько этапов в движении текста. Этим чрезвычайно облегчается изучение истории создания произведения.

Древнерусские литературные произведения представлены почти только беловиками,²² т. е. рукописями с законченным текстом, предназначенным для чтения: они отражают конечный результат работы. Этим конечным результатом может быть иногда по тому или иному произведению сотни. Перед нами, следовательно, не сплошная линия развития произведения, а как бы пунктирная, с гораздо большими расстояниями между отдельными точками, чем в черновых вариантах произведений нового времени.

Древнерусская рукопись, как беловик, в отличие от черновики, сохранившихся от писателей нового времени, есть в гораздо большей степени «документ статический» (пользуюсь выражением С. М. Бонди).

Древнерусская рукопись по большей части представляет *один* текст, и только в том случае, когда она правлена самим писцом или кем-то другим, мы можем предполагать в ней два и больше текстов. Но зато древнерусское произведение изменяется в дальнейшем — при переписке, редактировании, переделке, включении в своды и компиляции.

В литературе нового времени история текста произведения — это история его создания автором. В литературе древней авторский текст, по-видимому, создавался так же, как и в новой, но материалов от процесса авторской работы не сохранялось. Зато история текста не ограничивалась авторской стадией: произведение продолжало «твориться» и после того, как оно вышло из-под пера автора. Древнерусское творчество было по преимуществу коллективным, и оно часто длилось десятки и сотни лет.

Если история текста литературного произведения нового времени после смерти автора сводится по преимуществу к истории его печатных воспроизведений, в которых изрядную долю занимают простые искажения, то в литературе древней наиболее распространенные тексты были как раз не авторскими, а созданными в последующее время.

Текстолога, занимающегося русской литературой нового времени, в подавляющем большинстве случаев интересуют, в первую очередь, рукописи самого автора и только прижизненные издания его сочинений; все остальные рукописи и издания изучаемого им произведения будут его интересовать постольку, поскольку они отражают этот первоначальный авторский текст или один из его вариантов и поскольку в них можно угадать «авторскую волю».²³

Текстолога-медиевиста интересует вся литературная история изучаемого памятника, от его зарождения и до того времени, пока он перестает читаться и переписываться. Эта литературная история памятника обнимает собой иногда много столетий (есть памятники, которые читались и переписывались в течение полутысячелетия; например, жития Бориса и Глеба, Киево-Печерский патерик и т. д.). Авторский же текст в подавляющем большинстве случаев для медиевиста недоступен и невосстановим.

В процессе своего бытования памятники древней русской литературы бесконечное количество раз переписывались, переделывались, сокращались или разрастались, осложнялись заимствованиями, вступали в состав компиляций, перерабатывались стилистически и идейно. Некоторые из памятников почти забывались, потом снова вызвали читательский интерес после значительных перерывов, перерабатывались и становились особенно распространенными именно в этих переделках, а отнюдь не в «авторском» тексте. Вся эта жизнь памятника не может не интересовать литературоведа-медиевиста, поскольку она отражает историю идеологии, литературных вкусов, характеризует действительное значение памятника, а иногда как бы в миниатюре рисует историко-литературный процесс за несколько столетий. Текстологу-медиевисту приходится иметь дело с десятками, а иногда и сотнями рукописей изучаемого произведения, предполагать существование в прошлом ис-

²¹ Там же, стр. 573.

²² Черновики в древнерусской письменности сохранились только от деловых документов и от произведений XVII века (например, Аввакума).

²³ См. тезисы доклада В. С. Нечаевой «Установление канонических текстов литературных произведений» (Совещание по вопросам текстологии. Тезисы докладов. М., 1954).

чезнувших впоследствии отдельных списков памятника, а очень часто и целых его редакций. Ясно, что текстолог-медиевист в основном стоит лицом к лицу с иными задачами, чем текстолог, занимающийся литературой нового времени.

Необходимо, однако, отметить, что почти все текстологические особенности литературы древней могут иметь место и в литературе новой. Различие главным образом в том, что одни явления жизни текста преобладают в литературе древней, а другие — в новой.

В самом деле, история литературы XVIII и XIX веков также знает случаи, когда произведение после смерти автора подвергается многократным переделкам многочисленными редакторами. Интересный пример приводит П. Н. Берков в статье «К истории текста „Громвала“ Г. П. Каменева».²⁴ «Громвал» несколько раз переделывался его издателями, стремившимися приновить его к новым эстетическим требованиям. Среди последних редакций этого произведения была и «переделка» В. А. Жуковского.

Количественное различие между литературой древней и новой в отношении типов изменения текста, преобладание в древней литературе последующих изменений текста над доступными для наблюдения изменениями авторскими — создают значительное различие в удельном весе текстологических исследований. В литературе древней они занимают исключительно большое место и имеют громадное историко-литературное значение.

Талантливый, рано умерший исследователь древней русской литературы А. Д. Седельников писал: «... для древней литературы создалась методология своеобразная, с перенесением зачастую центра тяжести исследования в область предварительных работ. Насколько историк новой литературы способен уклоняться в критику от своей прямой исследовательской задачи, что объясняется близостью, созвучностью материала ему самому, настолько же понятно, если в историке древней литературы доминирует, и иногда слишком доминирует, филолог. Перед историком древней литературы стоят ранее остального вопросы, отсутствующие обыкновенно, потому что тут они редко сохраняют характер „вопросов“, при исследованиях в области новой литературы: о первоначальном тексте памятника, о времени и месте его возникновения, и т. п. Взамен возможности сразу с помощью заявления автора, или его окружающих, или вообще современников определить основную редакцию, приходится, при наличии нескольких, искать ее; при недостатке же материала для сопоставлений — довольствоваться внутренним анализом того, что дошло более или менее случайно. Если имеется заявление автора, оно еще подлежит сначала критической оценке, причем опять работа над текстуальными признаками выдвигается на первый план. По отношению к времени памятников в силе те же, подчас весьма косвенные соображения, хронологизация нередко расплывается на целое столетие, базируясь, тоже нередко, на чертах языка, далеко не всегда ярко выраженных в силу подверженности подновлению при переписках. Древность языка, которая служит, казалось бы, прочным методологически речательством (язык могли подновлять, но архаизировать не было, по-видимому, ни смысла, ни тем более умения) — оказывается подчас коварной, так как может принадлежать древним источникам автора, а не автору; при манере компилировать большими кусками эта древность языка может охватывать памятник весь или почти весь. Даже присутствие имени русского автора, встречаясь на общем анонимно-псевдонимном поле зрения, не только не спасает непременно от ошибки, но самостоятельно способно вызвать ошибку. До какой степени оно гинотизирует, в смысле желания использовать имя, отвести памятнику определенное историческое место, видно из тех случаев, когда именем, известным по другому памятнику, пользуются для того, чтобы тому же автору усвоить еще какой-либо, сомнительный».²⁵

Если текстология — наука об истории текста произведений, то какое имеет она отношение к изданию текстов?

Издание текста памятника основывается на его текстологическом изучении. Научное издание памятников практически применяет результаты текстологических исследований. При этом издание текста, конечно, только одно из многих практических применений изучения текста. Другие применения могут иметь место в истории литературы, в историческом источниковедении и т. п.

Выигрывает или проигрывает издание памятников от того, что текстология вышла из непосредственного подчинения эдической технике, стала самостоятельной дисциплиной? Как это не покажется парадоксальным в первый момент, но научное издание памятников от этого только выигрывает.

²⁴ «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1934, № 1.

²⁵ А. С е д е л ь н и к о в. Несколько проблем по изучению древней русской литературы. Методологические наблюдения. «Slavia», R. VIII, Praha, 1929, S. 3.

В самом деле, если текстология имеет своей целью только издание памятника и представляет собою только «систему филологических приемов», «прикладную филологию»,²⁶ то тем самым изучение истории текста, не зависящее от задач издания, отодвигается на второй план и затрудняется. Текстология как «система приемов» подчиняется механическим «правилам игры», вырабатывает одни и те же способы подхода к тексту и т. д. Самостоятельное развитие текстологии оказывается так же затруднено, как было затруднено развитие геометрии, когда она отождествлялась с землемерием.

В том-то и дело, что издание текста должно основываться не на сумме «филологических приемов», позволяющих легко и единообразно препарировать текст для отправки в типографию, а на всестороннем знакомстве с историей текста произведения. Только тогда, когда история текста изучена и работа по этому изучению закончена, можно прийти к объективным выводам — какой текст издавать и какими приемами.

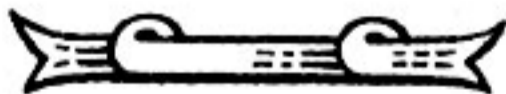
Безрассудное следование одним и тем же приемам при издании совершенно различных по своему характеру текстов — бич современных изданий. Ни один текстологический принцип, ни одно правило не обладает всеобщностью, кроме единственного правила — соблюдать во всем строгую историчность и учитывать историю текста. Нет изданий, в которых слепо должны были бы повторяться принципы других: все издания «особенны».

Современная советская текстология борется за объективность и стабильность изданий памятников. Это не может быть достигнуто только одними инструкциями и правилами изданий, хотя для каждого конкретного издания эти правила и инструкции совершенно необходимы.

В самом деле, если в решении вопросов истории текста текстолог должен быть свободен от власти трафарета и механических способов исследования, должен быть готов к «особым случаям», то при издании текста уже изученного текстолог, напротив, должен стремиться к единообразию, должен следовать определенным, строгим и простым правилам издания, но эти правила должны основываться на предварительном *научном изучении истории текста*.

Раз выбрав и установив для своего издания на основе научного изучения истории текста определенные правила, текстолог должен не отклоняться от них и не допускать неоговоренных в особых случаях исключений. При этом чем более просты и строги будут эти правила, тем яснее будут взаимоотношения издаваемого текста и текстов рукописных. Правила — это посредники, устанавливающие функциональную зависимость издаваемого текста от рукописных. Если этих правил нет — нет и этой зависимости; функция же должна быть единообразной, чтобы она могла быть воспринята читателем. Точность издания — это, в первую очередь, точность функциональной зависимости издания от научных данных изучения истории текста в рукописях.

Предположение же, что правила и инструкции сами по себе создают стабильность и объективность изданий, глубоко ошибочно. Подлинная объективность и стабильность достигается только научными исследованиями, на которых должны основываться все правила и инструкции. Если же правила и инструкции не основаны на объективных данных научного изучения истории текста, а навязываются сверху требованиями издательств или редакционных комиссий, исходящих из крайне субъективных «общих представлений», то внешнее единообразие таких изданий очень непрочное. Вот почему превращение текстологии из суммы филологических приемов для издания текста в самостоятельную научную дисциплину, изучающую историю текста произведений, — задача первостепенной важности и для нашей эдиционной практики.

²⁶ Б. В. Томашевский. Писатель и книга, стр. 10, 11.